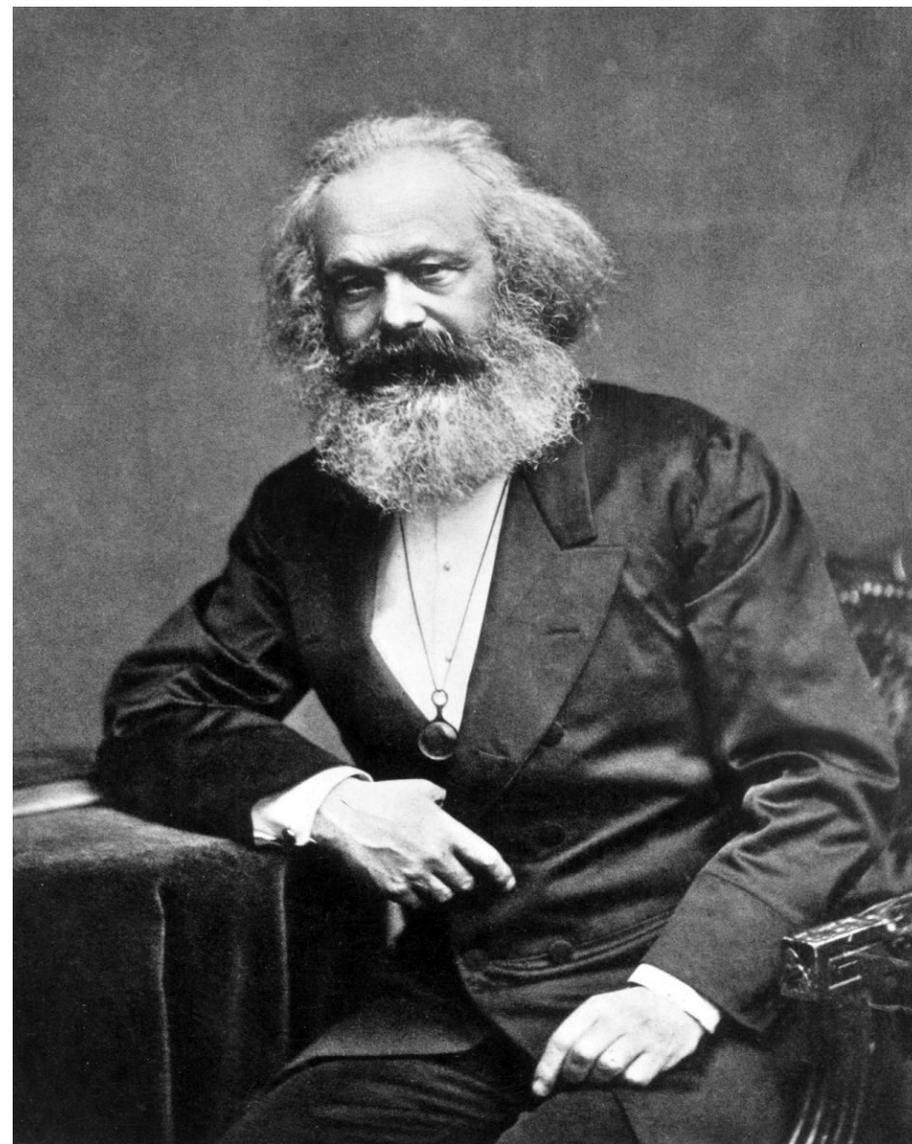

Марксистская философия права

Презентацию подготовил студент группы С/Ю-м-з-211 Рабченюк С.П.

Можно вполне справедливо утверждать, что марксистская концепция права относится, к наиболее интересным концепциям, однако, принципиальное отличие учения Маркса и его последователей от тех концепций которые были названы выше, заключается в том, что приоритетное начало в анализе социальных и политико-правовых вопросов отдается экономике, развитию производственных сил и производственных отношений, а также классовому делению общества, определяющее значение среди социальных факторов формирования права.

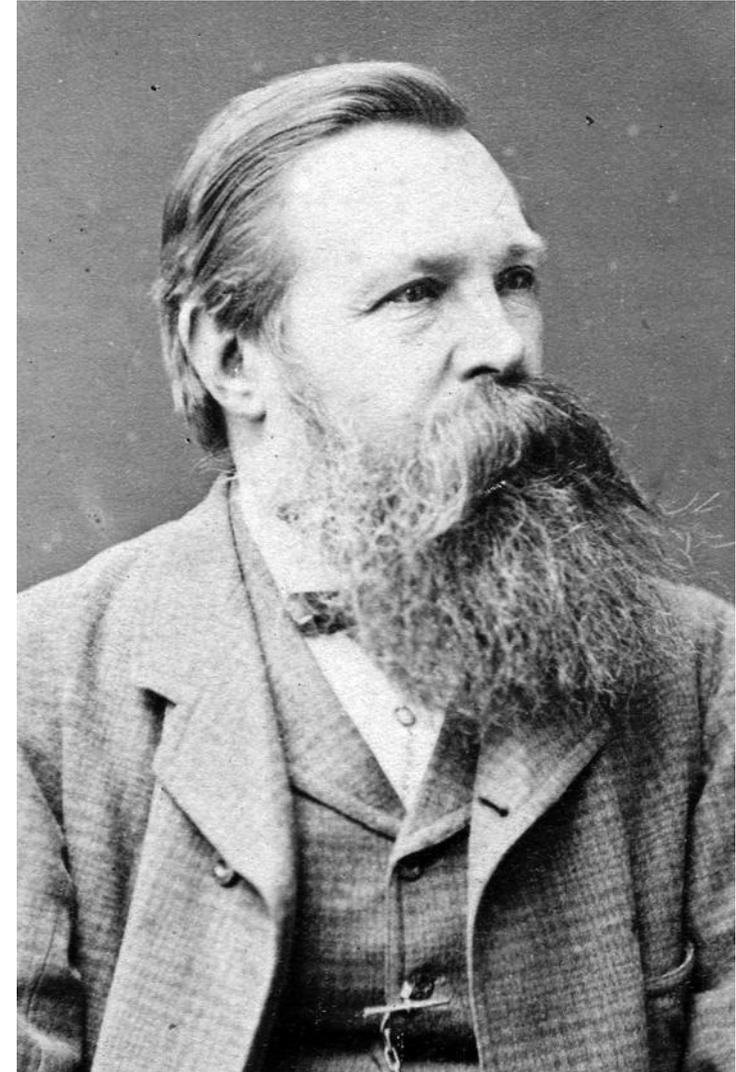

Карл Маркс

Субъективные, т.е. идейные и психологические, факторы формирования позитивного права:

- правовое сознание личности;
- формирование воли классов;
- условия жизни общества;
- интересы господствующего класса или всего народа.

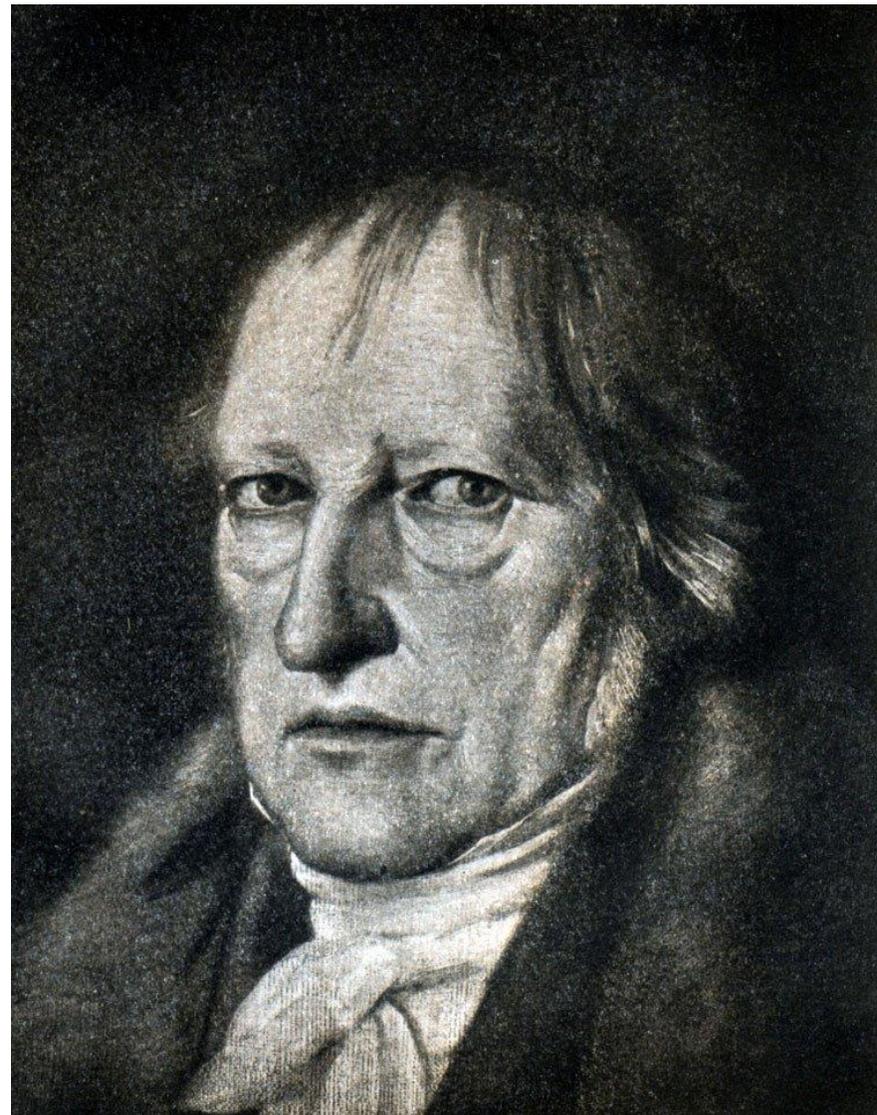
Кроме того, особо выделялось формирование государственной воли господствующего класса или всего народа, выступающее как бы завершающей и решающей ступенью социального процесса формирования права, создания государством правовых юридических норм, т. е. собственно юридически оформленным процессом правотворчества.

Фридрих Энгельс

В основе познания реальности в марксизме лежит диалектикоматериалистический метод. Напомним вкратце его суть. При диалектическом методе, Отмечал Ф. Энгельс, мы исходим из первого и наиболее простого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже сам факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны. Каждую из этих сторон мы рассматривает отдельно. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения на практике. Мы проследим, каким образом они разрешились и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения.

К. Маркс стремился преодолеть прежнего понимания принципа «Равенства» так, как это делал Гегель, то есть включить его как подчиненный момент в более высокое понятие «Коммунизма». Маркс делал акцент на освоении человеком «своей родовой жизни» - то есть идеала свободы, тождественной творению субъектом самого себя, его мало интересует вопрос о том, как будет организован труд и распределение материальных благ при коммунизме. Его интересует вопрос, как человек вернется к самому себе как человеку общественному, то есть снова станет человеком. Это значит, что человек увидит в обществе не внешнюю необходимость, он увидит самого себя и станет свободным.

Георг Гегель

В «Феноменологии духа» Гегель пишет, что в мире права все люди отчуждены друг от друга и противостоящей им реальности. В дальнейшем (в «Философии права») Гегель считает, что формой, способной объединить людей становится государство.

Коммунизм у К. Маркса - это аналог государства у Г. Гегеля. Однако, акт единения государства и интересов граждан Г. Гегель усматривает в конституционной монархии. Маркс же - в коммунистической революции.

Право и государство, согласно учению марксизма есть надстройка, обусловленная базисными экономическими отношениями общества. В «Манифесте коммунистической партии К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса».

Право в целом обуживает отношения частной собственности, поэтому представляет собой в целом негативное явление. Ф. Энгельс писал: «Конечно, для буржуа закон свят: ведь он плод его собственной мощи и издан с его согласия для защиты его самого и его интересов». Уничтожение собственности неизбежно ведет к уничтожению права. После буржуазного права, согласно марксистской доктрине, какое - то небуржуазное право, например, право коммунистическое просто невозможно по определению, так как «исчезнет всякая надобность в насилии над людьми вообще, в подчинении одного человека другому.. .ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения». Распределение продуктов не будет требовать нормировки, каждый будет свободно брать по потребностям.

В реальной истории деспотическое вмешательство в отношения собственности и все другие сферы жизни общества предстало в виде насильственных мероприятия революции. Это соответствует суждению Маркса о том, что между капитализмом и коммунизмом лежит некий переходный период, когда государство сохраняется в виде диктатуры пролетариата.

При социализме, то есть в переходный период, право сохраняется, как некий «недостаток» или «родимое пятно старого общества». Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и культурное развитие общества, а при социализме, даже после уничтожения классовых различий, известное неравенство в жизненных условиях сохраниться. Ведь социализм не может сразу отказаться от принципа распределения предметов по труду, а не по потребностям, это, по словам В.И. Ленина - утопия. Право при социализме остается в качестве регулятора распределения продуктов и труда между членами общества, то есть, право сохраняется в плоскости своих принудительных функций в сфере потребления. В сфере же производства права уже нет.

На практике же, имеется ввиду реалии нашей страны, вышло немного по другому. Труд при социализме оплачивался не по его качеству и количеству, а по произвольно определенным властью критериям, то есть распределение потеряло свой правовой характер. Правовой регулятор был заменен трудовым регулятором, а правильнее сказать была предпринята попытка введения прямой властной трудовой регуляции. Особенно здесь не повезло людям умственного труда.

Однако, нужно отметить, что сами по себе негативные последствия теории не обязательно означают ее ложность. Нет ничего негативного без позитивного, а исторический прогресс по своей сути противоречив. В связи с этим необходимо обратиться к характеристике большевизма и коммунизма, данной русским философом И.А. Ильиным в работе «Большевизм и кризис современного правосознания». По И. Ильину коммунизм - это четная утопия, пытающаяся исключить индивидуальность и неравенство. Большевизм - это необузданный радикализм, максимализм политических и социальных амбиций, желание иметь все и сразу. Большевизм - это не коммунизм. То есть - большевизм это не система, это состояние души. Большевизм может даже противиться социализму и коммунизму.

И. Ильин считал, что дух русской революции в том, что на большевистское правосознание делается попытка поставить печать коммунизма. Сначала большевик не знает позитивного права, он враждебен ему. Он присягает большевичкой теории, которая трактует право как отражение классового господства. Отвергнутое заменяется произвольным действием, а затем - произвольной нормой. Она отличается от правовой не по форме, а по содержанию: самого «законодателя» она не к чему не обязывает. Все разрешено и ничего не гарантировано.

И.А. Ильин

Революция - это нарушение сущности права. Сущность права - это способность к совершенствованию и обновлению на предписанном им же правовых путях, посредством лояльности. Выражается это в следующем:

- 1. право это порядок, а правосознание - это воля к порядку;
- 2. право - это договор, а правосознание - верность договору;
- 3. право - это организованность, а правосознание - воля к единению.

При большевизме право заменяется террором. Следовательно, - считал И. Ильин, - большевизм - это кризис современного правосознания.

При большевизме право заменяется террором. Следовательно, - считал И. Ильин, - большевизм - это кризис современного правосознания.

Вся история развития социалистической теории права - это попытка согласования соответствующих положений марксизма с практикой социалистического строительства в целом. В развитии советского права можно выделить несколько основных этапов.

Первый из них охватывает период с 1918 года по июль 1938 года (Совещание по вопросам науки советского государства и права). Этот период можно охарактеризовать как период поиска концепций нового «пролетарского» права.

В центре дискуссии находились две концепции нового советского правопонимания: П. И. Стучки и Е.Б.Пашуканиса.

Основными началами нового правопонимания П.И. Стучка (а он в разные периоды был наркомом юстиции и председателем Верховного суда РСФСР) считал: классовый характер всякого права, отказ от формальной логики в пользу революционно-диалектического метода, понимание общественных отношений как базиса для правовой надстройки.

Первоначально П.И. Стучка противопоставлял право и революцию, но позднее постепенно эволюционировал в направлении сочетанию того и другого. Имея дело с фактически неправовой ситуацией, он пытался интерпретировать ее как отмирание государства и права. «Социалистическое право» трактовалось им как право переходного времени.

Для подхода П.И. Стучки характерно сближение и отождествление права с самими производственными отношениями, общественные отношения у него выражаются в форме юридических отношений, и тут он прямо противоречит постулатам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. Однако, подобное отождествление диктовалась практикой, которая требовала «порядка» и приказных норм. Раз при диктатуре пролетариата есть пролетарский порядок в области общественных отношений, значит, существует и пролетарское право, выраженное пролетарским законом и пролетарским классовым сознанием.

П.И. Стучка

По-другому классовый подход к праву был реализован в трудах Е.Б. Пашуканиса. Он более последовательно, чем П.И. Стучка ориентировался на классический марксизм и поэтому отвергал возможность пролетарского права. Есть только буржуазное право, которое пролетариат по необходимости использует в своих интересах. Не надо наполнять право социалистическим содержанием, так как право это содержание не способно вместить и скоро отомрет, а юридические моменты в отношениях людей исчезнут. Пашуканис, таким образом, выступил как противник всякого права вообще. По его мнению, не нужны ни судебные процессы, ни судебные приговоры, их следует постепенно заменять мерами политической и медицинской целесообразности, защищая общество от классово опасного состояния отдельных индивидов.

Подобное «свободомыслие» вышеназванных авторов продолжалось недолго. В русле общей политизации правопонимания и начавшейся критике различных «уклонов», Пашуканис в 30-е годы признал наличие особого социалистического права (впрочем, этого его не спасло, в 1937 году он был арестован и расстрелян).

Е.Б. Пашуканис

Второй этап развития советского права охватывает период с 1938 до середины 50-х годов. Его можно охарактеризовать как период советского легизма. Характерной чертой исследований, проводимых советскими правоведом в 20-х годах, было наличие огромного эмпирического материала, сбор которого осуществлялся с использованием методов анкетирования, опроса и непосредственного наблюдения. Но в 30-е годы, конкретный анализ был заменен сугубо общими положениями.

После того, как в 1936 году была принята Конституция СССР, задача состояла в том, чтобы выдать диктатуру за цивилизованное государство, а веления этого государства признать правом. В юриспруденции, как и во всех сферах жизни нашей страны, наступило полное единомыслие, для разногласия 20-х годов уже просто не осталось места. Единомыслие это выражалось формулой: «право есть форма выражения и применения насилия». Пашуканис и другие ученые обвинялись в отклонении от макрксистско-ленинско-сталинского учения о праве, конкретнее в «троцкизме» (хотя на самом деле они были истинными марксистами), что, по сути, означало факт: марксизм К. Маркса не соответствовал представлениям о марксизме И. Сталина.

И.В. Сталин

Новое, классово-волевое, определение права было выдвинуто директором института права и Генеральным прокурором СССР А.Я. Вышинским. Право, писал он: «...есть воля класса, господствующего в данном обществе. Воля рабочего класса, направленная к построению социализма, есть воля социалистическая, и право, выражающее эту волю, есть право социалистическое».

В дальнейшем это определение было дополнено и приобрело совершенно законченную официальную формулировку: «Право - это совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу». Определение «советского права» соответственно отсюда и вытекает: только вместо слов «господствующий класс», надо читать «власть трудящихся», вместо слова «государство» - «социалистическое государство», ну а «цели» понятны - «построение коммунистического общества». Есть только одно существенное отличие: в определении советского права не упоминались «обычаи и правила общежития», что означало, что в Советском Союзе обычаи не являются источниками права. В конце 40-х годов определение советского права стало достаточно примитивным. «Советское право» определялось как «социалистическое право, то есть возведенная в закон воля рабочего класса, осуществляющее государственное руководство советским обществом в условиях внешнего капиталистического окружения».

Это определение можно назвать «нормативным» или «узаконенным» подходом к праву, так как источники права в советском обществе - официальные акты органов власти стали собирательно именоваться законодательством. Справедливости ради, следует отметить, что в СССР того периода, наука не рассматривала аналогию права и закона столь прямолинейно. Наука исходила из того, что закон и иные нормативные акты не в состоянии предусмотреть и охватить все разнообразные жизненные ситуации, с которыми сталкиваются применяющие нормы государственные органы. УПК РСФСР и других союзных республик устанавливал. Что судебные органы не вправе отказать в принятии к производству или прекратить уголовное преследование в отношении «общественно опасного» деяния на том основании, что в законе не указано признаков этого деяния, а также под предлогом неполноты, неясности или противоречия закона.

При отсутствии в законе прямого указания относительно того, как следует решать конкретное дело, его следовало решить, руководствуясь законами, наиболее подходящими к данному конкретному делу. Печальная практика применения аналогии закона в СССР широко известна.

Но даже в период 40-х начала 50-х годов, официальная советская наука признавала, что советскому обществу не чужда и аналогия права. Ст. 4 ГК РСФСР гласила, что «За недостатком узаконений и распоряжений для решения какого-либо дела, суд решает его, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой рабочекрестьянского правительства».

Хотя на практике в это время аналогия права вряд ли могла широко применяться в силу прямого указания А.Я. Вышинского по этому поводу: «Весь смысл аналогии заключается в применении действующих законов не к новым составам преступлений, а к аналогичным. Вполне, конечно понятно, что нужно всемерно бороться против злоупотреблений аналогией, против всякого рода извращений в этом вопросе, особенно частых там, где об аналогии нет правильного представления». См.: Советское государство и право. - 1939. - № 3. - С. 18.

Принцип аналогии права, существующий в советской правовой теории, ограничивался указанием практически им пользоваться только в пределах, установленных законом. А отсюда и вытекало определение советского права, суть которого - это приказы власти и ничего более.

А.Я. Вышинский

Третий этап развития советского права охватывает продолжительный период времени с середины 50-х годов - до конца 80-х годов XX века. Его можно охарактеризовать как период поиска новых подходов к правопониманию.

В начале 60-х годов, когда искоренение сталинского видения диалектики стало задачей философов и правоведов, одним из направлений исследований стало применение законов диалектики в познании правовых явлений. По сути именно в это время в нашей стране стала возрождаться философия права.

Узконормативный подход постепенно терял свое прежнее практическое значение и научные позиции. Критика нормативного подхода велась с разных сторон. Первую группу ученых представляют сторонники так называемого расширенного подхода к праву. В принципе расширенный подход к праву также как и нормативный отождествлял право и закон, хотя и имел свои особенности. Для него также тезис о наличии «социалистического права» предопределяется наличием советского законодательства. То есть, отвергается сама возможность различения права и законодательства. Спор между легистами и сторонниками расширенного подхода шел о том, каким образом понимать это самое социалистическое право.

В противовес узконормативному определению, зафиксированному в Совещании 1938 года, право было предложено понимать как единство правовой нормы, правоотношения и правосознания. То есть, нормативность права продолжала признаваться, но она дополнялась моментами ее осуществления в реальной практике. Правопорядок, сложившейся в обществе, нельзя понимать как совокупность действующих правовых норм. «Правопорядок это нормы права в их осуществлении, вместе с конкретными правами, обязанностями., соответствующие нормам».

Кечекьян С.Ф.

Отсюда вытекает очень важный факт, что нормы права - это вовсе не самоцель, а лишь средство закрепления определенного правопорядка. А правопорядок, согласитесь, несколько изменился. Даже наше государство стало «общенародным», а не диктатурой пролетариата. В этой ситуации, через много лет, был реабилитирован подход к праву высказанный Стучкой, который право к одним лишь нормам, как мы помним, не сводил.

Появление расширенного подхода к праву стало, в целом, позитивным явлением советской науки. Была возрождена теоретическая дискуссия (о практике пока речь не шла), началось медленное движение к плюрализму научных взглядов.

Вторая группа ученых представлена сторонниками либеральноюридического подхода к праву.

Такие видные правоведы как В.Д. Зорькин, В.А. Туманов, В.С. Нерсисянц выступили против самого факта наличия «социалистического права», отвергающего в принципе саму возможность различия и сопоставления права и действующего при социализме законодательства. В противовес советскому позитивизму была выдвинута либеральноюридическая концепция различия права и закона, обосновывающая понимание права как всеобщей формы и равной меры свободы индивидов.

В новых исторических условиях критика марксизма стала одним важнейших направлений идеологии официальных властей. Произошел отказ от диалектико-материалистического метода как метода познания.